



ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Коридор затмений



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Коридор затмений / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-190868-3

Дело об убийстве Анны Лаврентьевой, расследованием которого занялся полковник Гушин вместе с Клавдием Мамонтовым и Макаром Псалтырниковым, лишь на первый взгляд имело бытовые мотивы. Как только произошло новое зверское преступление, оно в одночасье превратилось в сложную головоломку со многими неизвестными. А тут еще у маленьких дочек Макара внезапно завелся некий тайный друг — подросток Адам. Его панически боится и ненавидит собственная мать Ева, считая порождением Тьмы. Шаг за шагом полковнику Гушину с напарниками предстоит распутать целый клубок версий, пугающих фактов и мрачных суеверий, чтобы установить истину и найти взаимосвязь между цепочкой убийств и событиями пятнадцатилетней давности, когда Адам появился на свет, а на заброшенной ГЭС силовики штурмовали зловещую секту, практиковавшую оргии и темные ритуалы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-190868-3

Глава 1

ПОКУШЕНИЕ

Она проснулась глубокой ночью. Ее разбудил не сон, не кошмар, а уверенность, что в ее темной спальне с наглухо занавешенными окнами кто-то есть. Она всегда задергивала шторы в полнолуние, потому что огромная луна, отражавшаяся в глади озера, на берегу которого стоял их дом, не давала ей спать. Луна властно вмешивалась в ее сны, луна околдовывала ее, затягивая в морок — туда, на темное дно озера, где среди ям и коряг обитали чудовища. Так ей казалось с некоторых пор.

Во тьме она лежала, затаив дыхание, притворяясь спящей, чутко прислушивалась к каждому звуку ночи — скрип, шорох, чье-то дыхание... И этот звук...

Ее лица коснулось нечто липкое и холодное. В первую секунду она подумала — ей кажется. Сон все еще не отпустил ее, она пребывала на грани яви и бодрствования. Однако прикосновение было вполне реальным — холодное, липкое. Что-то ползло по ее голове, по волосам, по лбу, добираясь до глаз, до губ.

Она хрипло вскрикнула и рванулась с подушек, ружой сбрасывая с себя нечто нечистое, отвратительное... Включила лампу на столике у кровати и...

Она не поверила своим глазам: на подушке — черное пятно. На краю кровати у изголовья — второе черное пятно.

Это были две крупные жабы.

Электрический свет отражался в их выпученных глазах. Кожа жаб, покрытая бородавками, блестела в неярком свете лампы как лакированная.

Она дико закричала от страха.

В спальне вспыхнул верхний свет — такой яркий, что на миг она зажмурилась. Вспышка ослепила ее как молния.

А когда вновь открыла глаза, то увидела в углу спальни *его*.

Он стоял и смотрел на нее. Внимательно, пристально наблюдал, словно оценивая. А затем его губы тронула торжествующая улыбка. Он наслаждался ее паникой и страхом.

Он прятал руки за спиной. Он еще что-то скрывал от нее.

И внезапно...

Он шагнул к кровати, размахнулся и... Швырнул в нее тяжелый металлический совок, который они использовали для золы из камина.

Острый металлический край...

Она рухнула навзничь на постель, прямо на отвратительную жабу.

Совок с грохотом ударился о стену.

Почти теряя сознание от ужаса, чувствуя под щекой шевелящуюся жабу, царапающую лапой ей шею, она успела подумать: «На совке для камина он принес этих тварей ко мне...»

Он все рассчитал...

Он снова хочет меня убить.

Глава 2

ЛАВРЕНТЬЕВА

Полковник Гущин наклонился над телом, взялся за рукоятку ножа рукой в перчатке и осторожно потянул на себя. Нож, всаженный в горло жертвы, не поддался.

— Удар большой силы, — констатировал полковник Гушин. — Сквозной. Нож пробил горло, повредил шейный позвонок и... вонзился в кухонный линолеум.

Он потянул сильнее, выдернул нож. Голова мертвой женщины, прищипленная к кухонному полу за шею, резко склонилась набок. Клавдий Мамонтов ощутил, как тошнота клубком подкатывает к его горлу. На кухонном полу натекла большая лужа крови, в электрическом свете она выглядела черной. Пахло кровью и... куриной лапшой. Перевернутая кастрюля, сброшенная с плиты, валялась у раковины, куриный бульон смешивался с кровью жертвы, пол усеяла лапша.

Макар Псалтырников, стараясь не наступить в лужу своими дорогими кроссовками, придвинулся к Гушину, так и заглядываясь на выдернутый из раны нож, словно на некое невиданное чудо.

Однако нож был обычным, кухонным, для разделки мяса.

— Из ящика ножик взяли, не с собой принесли, да, Федор Матвеевич? — деловито спросил Макар.

— Ничего здесь не трогай и умолкни, — шепнул ему Клавдий Мамонтов.

Макар лишь усмехнулся. Все происходящее на месте убийства он воспринимал как великое ночное приключение.

Полковник Гушин Макару кивнул — да, нож — орудие убийства, взятое убийцей именно с кухни жертвы. А вот насчет всего остального...

Он передал нож эксперту-криминалисту и снова обернулся к труп. Положил руку на грудную клетку убитой, осторожно все прощупал.

— Удар ножом большой силы, — повторил он. — Нанесен, когда потерпевшая уже упала на пол и лежала навзничь. Удар наносился вот так, — он сцепил руки в замок, поднял их над головой и резко опустил. — Чтобы горло пробить и шейный позвонок ей повре-

дить, ударить из положения стоя убийце было трудно. Поэтому, возможно, он... ладно, остальное мы в прозекторской проверим позже. При вскрытии.

Клавдий Мамонтов понял, что полковник Гушин не желает осматривать тело женщины, задирая на ее впалой груди застиранную линялую футболку на глазах всей оперативной группы. Последняя дань уважения мертвой...

Хотя заслуживала ли жертва уважения?

Помимо запаха крови и куриного бульона на кухне витало стойкое застарелое амбре спиртного. Алкоголем разило и от трупа.

Полковник Гушин вместе с патологоанатомом обследовали голову убитой. В темных коротко стриженных волосах с проседью — сгустки крови.

— У нее помимо ножевой раны черепно-мозговая травма, Федор Матвеевич, — сообщил патологоанатом. — Затылочная область повреждена.

— Именно от этого удара она упала на пол. — Полковник Гушин кивнул. — Ее оглушили, напав сзади здесь, на кухне. Когда она лежала на полу, ей нанесли удар в горло ножом. Добили. Нож взяли из ящика и оставили в ране. А вот предмета, которым ее оглушили, — он внимательно оглядел кухню, — я здесь не вижу.

— Убийца забрал дубинку с собой? — спросил Маркар. — Нелогично как-то.

— Молчи ты, — снова прошипел ему Клавдий Мамонтов, потому что...

Вся опергруппа, присутствующая на месте убийства, все полицейские подмосковного города Чугуногорска, взирали с великим недоверием и плохо скрытой неприязнью на этого типа — яркого блондина — мажора, красавца в рваных джинсах и потертой модной косухе дорогого бренда, которого полковник Гушин привез с собой на осмотр места происшествия.

Первое столкновение «на почве Макара» произошло почти сразу, как только они вдвоем приехали

в Чугуногорск, куда полковник Гушин после долгого перерыва в оперативной работе «на земле» выехал на ночь глядя на «бытовое убийство». Во дворе дома жертвы — восьмизэтажки сталинской постройки — их остановили патрульные ППС, не позволяя пройти в подъезд. Клавдия Мамонтова пропустить соглашались, как сотрудника полиции, а вот Макара — нет. А он кто такой? Гражданское лицо? И не здешний житель?

Их обоих пропустили лишь после личного звонка Гушина — и у квартиры жертвы их встретил начальник Чугуногорского отдела полиции в крайне раздраженном состоянии.

— Ты прикомандированный из Бронниц, — грубо бросил он Клавдию Мамонтову, хотя видел его впервые. — Ладно, пусть. Но это что за личность с тобой?

— Мой внештатный сотрудник, мой помощник, — ответил за Мамонтова вышедший из квартиры на площадку к лифту полковник Гушин. — Он в группе по моему разрешению.

— Нарушение правил, — отрезал начальник полиции Чугуногорска.

— Вы начнете мне, начальнику криминального управления и замначальника областного Главка, читать нотации о правилах службы или станете выполнять мои приказы и свои прямые обязанности по организации на местном уровне раскрытия убийства по горячим следам? — холодно, надменно осведомился полковник Гушин. — С кем работать мне, я сам решу, без ваших советов. И повежливее. Ясно?

— Так точно, — во взоре чугуногорского начальника полиции мелькнула неприкрытая злость.

Клавдий Мамонтов ждал, чем закончится перепалка. Да, с Гушиным тягаться местный начальник полиции не мог — мало того, что полковник Гушин — шеф криминального управления, он теперь после тяжело перенесенного ковида и ранения еще и зам начальника

Главка по совместительству. Что ж, судя по выражению лица местного начальника полиции, не рискуя открытым столкновением, он, не откладывая, накатает на Гущина тайный рапорт-донос.

— Предмет, которым потерпевшую ударили сзади по голове, убийца забрал, — Гущин продолжал внимательно оглядывать кухню. — На эту деталь стоит обратить особое внимание.

Клавдий Мамонтов тоже внимательно осматривался по сторонам. Кухня самая обычная — небогатая, ни ремонта продвинутого, ни порядка. Все захламлено. Мебель кухонная обшарпанная. Холодильник весь в наклейках. Затертые сиденья стульев с пятнами жира. Старые нечищенные кастрюли и сковородки.

Однако кухня с высоким потолком и весьма просторная. И две другие комнаты квартиры тоже просторные, хотя и захламленные, пыльные, неубранные. В большей по размеру комнате раскладной диван, стенка сорокалетней давности, телевизор, женские вещи разбросаны в беспорядке. Другая комната — тоже с продавленным раскладным диваном, письменным столом, постерами музыкальных групп на стенах. В квартире некогда обитали двое.

— Лаврентьева Анна Сергеевна, — полковник Гущин читал переданный ему оперативником паспорт хозяйки квартиры, который обнаружился в шкафу. — Пятьдесят восемь лет ей. Вчера был ее день рождения, кстати, судя по паспорту.

Он распахнул холодильник. Полупустой — десяток яиц в коробке, хлебница, упаковка сметаны, сковородка с толстым слоем жира. Сковородку не стали даже мыть, готовясь пожарить на старом жире что-то еще — картошку, яичницу... Сунули в холодильник. Однако кое-что хранилось в избытке — банки дешевого пива и две бутылки водки.

Макар нагнулся, извлек стоявшие между раковиной и холодильником три бутылки очень дорогого джина и бутылку марочного коньяка.

— Однако. — Он показал находку Гущину. — Вот на чем она точно не сэкономила.

Полковник Гущин задумчиво сравнивал дешевое пиво, засунутое Анной Лаврентьевой в холодильник, и дорогой джин и коньяк.

— Интересно, — заметил он. — Ну ладно, проясним... потом... позже... А где ее мобильный?

— Пока мы его не нашли, — откликнулся кто-то из криминалистов, работавших в комнатах квартиры.

Клавдий Мамонтов видел — Гущин о чем-то думает. Бутылки, найденные Макаром, его явно озадачили. Хотя почему? Что мешало женщине-алкоголичке экономить на всем, в том числе и на еде, но позволять себе марочный коньяк и дорогуший джин?

Клавдий Мамонтов снова взглянул на распростертую на полу убитую Анну Сергеевну Лаврентьеву пятидесяти восьми лет. Приземистая, невысокая, широкобедрая, жилистая, темноволосая. По виду ее вроде не скажешь, что она тайком дома пьет. Хотя сейчас утверждать подобное трудно, глядя на бездыханный труп. Но женщин-алкоголичек видно с первого взгляда, вроде как... или нет? Или он таких не встречал в своей жизни?

Лаврентьева была одета по-домашнему — старые спортивные штаны и застиранная футболка. На ногах — тапочки. Когда она упала на пол, они отлетели к раковине.

На лице застыла гримаса боли. В вытаращенных широко открытых глазах — ужас. Видимо, перед ударом ножом в горло она пришла в сознание, несмотря на рану на голове. Она видела нож в руках своего убийцы.

Подбородок густо измазан кровью. На горле зияющая страшная рана.

— Давность смерти пять-шесть часов, судя по состоянию тела, — сообщил патологоанатом.

Макар глянул на наручные часы — одиннадцать вечера.

— Ее убили где-то после пяти часов вечера, точнее скажу при вскрытии. Я труп забираю в морг, у меня как раз окно свободное сегодня на дежурстве. Так что милости прошу, Федор Матвеевич, ко мне в прозекторскую на всю ночь. — Патологоанатом профессионально шутил, осматривал кисти рук убитой. — Признаки борьбы с нападавшим отсутствуют. Она не сопротивлялась.

Полковник Гушин из кухни по коридору направился к входной двери. Макар следовал за ним по пятам как пришипленный. Клавдий Мамонтов тоже пошел.

— Федор Матвеевич, два замка и задвижка. И еще цепочка накидная, — все тем же деловитым тоном сообщил Макар Гушину и всей опергруппе Чугуногорска, словно они были глупые и слепые.

— Никаких следов взлома. — Гушин осмотрел стандартную «железную» дверь квартиры. — Она сама открыла, впустила своего убийцу.

Да, все чисто, никакого взлома. А это означает... Клавдий Мамонтов наблюдал, как эксперты обрабатывают дверь, ручку и дверную коробку реагентами.

— Кто ее обнаружил? Кто вызвал полицию? — спросил Гушин.

— Ее сын Алексей Лаврентьев, — ответил начальник Чугуногорского отдела полиции. — Мы его пока не опрашивали, но задержали до выяснения. Он внизу в патрульной машине с нашими сотрудниками.

— Пригласите его сюда, пусть они поднимутся в квартиру, — распорядился полковник Гушин. — Я сам с ним поговорю. И займитесь соседями.

Квартира Лаврентьевой располагалась на втором этаже. Окна выходили во двор, через который можно было попасть прямо на главную площадь городка — к супермаркету и закрытому кинотеатру. За окнами — ночь. Скупой свет фонарей.

Глава 3

ТОТ, КТО ОБНАРУЖИЛ ТРУП

— Иногда они возвращаются, — шепнул Макар Клавдию Мамонтову, пока они ждали, когда оперативники приведут сына Лаврентьевой в квартиру. — На место убийства. Потому что им кажется, что они что-то позабыли, какую-то важную улику, которую надо забрать. Или же чтобы их ДНК появилась на месте убийства для запутывания расследования. Поэтому они возвращаются и разыгрывают из себя того, кто первым обнаружил труп.

— Они семья, мать и сын, он бывал здесь, его ДНК и так есть в квартире, — тоже шепотом ответил Клавдий Мамонтов неугомонному другу-всезнайке. — Гуцин не потому так поступает. Обычно подобного не делают — свидетелей и родственников на место убийства не допускают. А наш правила нарушает специально.

— Зачем?

— Он сам хочет посмотреть его реакцию. Публичную реакцию сына на убитую мать — в присутствии всей опергруппы.

Сын Анны Лаврентьевой Алексей оказался внешне ничем не примечательным молодым человеком. Самым обычным, каких немало. Лет двадцати восьми, худой, высокий.

— Мама...

Он сразу ринулся к трупу, вокруг которого уже хлопотали эксперты, упаковывая его в пластиковый

мешок. Лицо его исказила гримаса. Боль... да, ее было в избытке. Но Клавдию Мамонтову, внимательно наблюдавшему за парнем, показалось, что кроме боли присутствовало и нечто еще — тщательно скрытое любопытство, смятение, страх и... облегчение.

Полковник Гушин наблюдал за реакцией, он сразу преградил парню дорогу:

— Считаем, что вы ее официально опознали. Это ваша мать Анна Сергеевна Лаврентьева?

— Да... она... мама... Я же ее нашел здесь. Я сразу позвонил в полицию, — фальцет Алексея Лаврентьева дребезжал.

— Пройдемте в вашу комнату, — предложил Гушин и под неодобрительными взглядами чугуногорских полицейских демонстративно кивнул Мамонтову и Макару: за мной.

Они оставили экспертов-криминалистов заканчивать осмотр.

— Что произошло? — спросил полковник Гушин Лаврентьева, плотно закрывая дверь в комнату, чтобы им не мешали. — Я так понимаю, вы с матерью в данный момент не живете?

— Нет. Мы с женой снимаем квартиру в Жуковском. К матери я заезжал время от времени. Мама... я никак в себя не могу прийти... что же это? Грабитель? Вор?! Но когда я вошел, вроде все было в порядке в прихожей и в комнатах, а вот на кухне... Мама...

Мама... Он повторял снова и снова и с разными интонациями. Отчаяние... боль... Искренние или наигранные? Клавдий Мамонтов затруднялся определить. Макар мог бы помочь — он актер по жизни и чутко улавливает эмоциональную фальшь. Однако Макар сосредоточенно молчал, слушал, смотрел.

— Итак, признаков ограбления вы не увидели. Но, может, все же из квартиры что-то пропало? Что-то ценное? Вы не смотрели, не проверяли? — осведомился Гушин.

— Я ничего не проверял. Я вообще боялся что-либо трогать. Я сразу позвонил в полицию. Потом жене... Даше позвонил. Она позже приехала, но ваши сотрудники даже не позволили нам поговорить.

— Таковы правила. Вы открыли дверь своим ключом? — продолжал спрашивать Гущин.

— Конечно, у меня ключи, это же и моя квартира тоже. Я весь день звонил матери... то есть маме... Она не отвечала. И я начал волноваться — мало ли... Решил приехать.

Лаврентьев произнес слова «мать» и «мама» разным тоном — первое почти безразличным, а вот затем словно спохватился, добавил горечи в интонацию.

— Ваша мать чем-то болела? Раз вы встревожились?

— Нет, она не болела.

— Она пила? — прямо спросил полковник Гущин.

Парень глянул на него и вспыхнул.

— Нет, нет, что вы... с какой стати? Как это пила?

— Злоупотребляла алкоголем?

— Нет. Да нет же.

Сын защищал мать.

— Разрешите ваш мобильный посмотреть, — полковник Гущин протянул руку.

Парень достал из кармана джинсов смартфон и протянул его Гущину.

— Пожалуйста, у меня нет пароля. Смотрите. Вот мои звонки матери.

Макар через плечо Гущина тоже заглянул.

— Пять раз звонили вы ей сегодня. И поздно вечером решили приехать. После работы? Как освободились? — уточнил Гущин.

— Я сейчас временно не работаю. Наш магазин закрылся.

— Магазин чего, где?

— В торговом центре в Жуковском, магазин спорт-товаров.

— А ваша жена работает?

— Нет. Тоже потеряла работу. Их бутик владелец закрыл, обанкротился. Там же, в торговом центре.

— То есть вы оба сейчас безработные?

— Да. — Лаврентьев опустил голову.

— И снимаете квартиру... А чего с матерью не хотели жить в таких обстоятельствах? Все экономия средств, а квартира ваша просторная, всем места бы хватило, — полковник Гуцин задавал свои вопросы спокойно, житейски.

— Квартира деда и бабки, наше наследство. А мы с женой всегда желали жить отдельно. С матерью... с мамой было непросто Даше сосуществовать.

— Свекровь и невестка?

— Типа того, — Лаврентьев отвечал нехотя.

— На что жила ваша мать? Где и кем она работала?

— На складе медоборудования для сети зубных клиник в Жуковском, она ездила на электричке. Склад круглосуточный и график удобный — сутки дежурила и двое отдыхала.

«Сутки работала и двое пила втихаря дома», — подумал Клавдий Мамонтов.

— Судя по всему, ваша мать сама впустила своего убийцу в квартиру, — заметил полковник Гуцин. — Она была столь доверчивой? Всем дверь открывала?

— Нет, что вы. Она даже газовщиков порой отказывалась пускать! Она так просто людям не верила.

— Ну, тогда, значит, убийцу она хорошо знала и не боялась его. — Гуцин внимательно смотрел на парня. — Логично, правда? Мы станем проверять весь круг ее знакомых, друзей и родственников.

— У матери нет друзей. И подруг тоже.

— С мужчинами она встречалась?

— Она же пожилая!

Полковник Гушин, который сам был моложе потерявшей всего на два года, хмыкнул:

— М-да... ясно с этим. Ну а ваши родственники?

— У нас есть только тетка Женя. Двоюродная сестра матери. Евгения Лаврентьева, она живет в Бронницах на озере, ей муж бывший дом хороший оставил после смерти.

— Адрес, пожалуйста, — попросил полковник Гушин.

Лаврентьев продиктовал, и Клавдий Мамонтов записал в свой смартфон.

— Осмотритесь в комнате — все на месте? — спросил Гушин.

Парень огляделся — нехотя, словно бы... и кивнул.

— Пройдите в другую комнату, в прихожую, — Гушин открыл дверь и кивнул оперативнику. — Все тоже внимательно проверьте — все ли на месте? И кстати... где телефон вашей матери?

— Что? — парень обернулся. — Мобильный? От городского она давно отказалась, чтобы не платить. Я не знаю... а что, мобилы нет?

— Нет. Но он ведь был — вы ей звонили. И телефон не отвечал.

Лаврентьев пожал плечами.

Комнату матери он осмотрел опять как бы нехотя — в присутствии полицейских — и сообщил, что «вроде ничего не пропало».

Когда его увели из квартиры — Гушин распорядился, чтобы он пока ждал в полицейской машине на улице, — оперативники, производившие обыск, показали то, что нашли сами, — портмоне Лаврентьевой с пятью тысячами и картой Сбербанка. Кроме того, в шкафу среди постельного белья они нашли косметичку, а в ней перетянутые резинкой пачки денег — в одной двести тысяч и в другой пятьдесят тысяч. В серванте под стопкой тарелок обнаружилась еще

одна перетянутая резинкой пачка купюр — пятьдесят тысяч.

Клавдий Мамонтов счел это сбережениями Анны Лаврентьевой «на черный день». А полковник Гушин распорядился обработать купюры на предмет обнаружения дактилоскопии.

— Мне здесь надо закончить с осмотром, — объявил он Клавдию Мамонтову и Макару. — Спуститесь вниз и переговорите с женой Лаврентьева. Клавдий, включишь видеосвязь для меня, чтобы я был в курсе, чего она там покажет. И потом плотно займемся соседями.

Клавдий Мамонтов снова достал смартфон. Так, по «видеосвязи», они уже прежде работали с полковником Гушиным, который тяжело, почти смертельно переболел, никак не мог преодолеть свой «постковидный синдром» и страх заразиться снова. Для преодоления того страха потребовались радикальные меры — фактически Гушин добровольно пошел на то, чтобы пожертвовать собой, своей жизнью. Он спас дочку Макара Августу¹. Но преодолел ли он свой внутренний страх до конца? Этот сложный вопрос Клавдий Мамонтов пока еще для себя не решил.

Глава 4

ЖЕНА И СОСЕДИ

— Мой муж весь день находился со мной дома. Мы сейчас временно оба не работаем, — объявила Макару и Клавдию Мамонтову, включившему видеозвонок для полковника Гушина на смартфоне, жена Лаврентьева Дарья.

¹ Подробно об этом рассказано в романе Т. Степановой «Перекресток трех дорог».

По возрасту моложе Алексея Лаврентьева — этакая фигуристая кубышечка-дюймовочка с распущенными светлыми густыми волосами. На ее ухоженном личике читалась тревога, страх и... еще какое-то очень сложное выражение. Облегчение? Как и у мужа, когда оперативники привели его на кухню. Дарью оперативники попросили ждать в полицейской машине отдельно от мужа, и она то и дело бросала в сторону полицейского фургона, куда вернули Алексея Лаврентьева, быстрые красноречивые взгляды.

— Так весь день дома и сидели оба? Погода хорошая, май. Правда, холодный выдался, — светски заметил Макар.

— Вышли прогуляться на полчаса, но это днем. Муж звонил матери, но она не брала трубку, — ответила Дарья быстро и заученно. — Он звонил ей несколько раз.

— Тревожился о ее состоянии. — Клавдий Мамонтов понимающе кивнул. — Трезвая она или уже нет, да?

— Да... то есть нет... Ну, короче, да. — Дарья кивнула. — Она порой напивалась, когда у нее выходной. Леша беспокоился. Пьяная могла и газ открыть, и еще черт знает что сделать. Навредить квартире.

— Ее убили жестоко, — сказал Макар, глядя на молодую женщину.

— Ох, да... ужасно... Когда он мне позвонил и сообщил, я прямо так и села. То есть чуть не упала. Не знала, что и сказать, все слова растеряла. А он мне: «Звони риелтору, отменяй все. Пусть он вообще больше не звонит нам, не возникает, исчезнет...»

— Риелтор? — переспросил Клавдий Мамонтов, прибавляя громкости в смартфоне, чтобы полковник Гущин, занятый в квартире, тоже ничего не упустил.

— Детка, какой еще риелтор? — мягко поинтересовался Макар.

— Нет, нет, это вообще к делу не относится... это я так. — Пухлые щечки Дарьи вспыхнули. Она закусила нижнюю губу.

— Риелтор, недвижимость... ассоциация прямая... свекровь — пьянь, живет одна в неплохой квартире, только запущенной, но все равно недвижимость денег стоит, — рассуждал Макар все так же мягко. — А вы квартиру снимаете и работу потеряли оба. Чем платить в следующем месяце за съем? Квартиру ведь можно продать — и купить две однушки... Для этого риелторы и существуют.

— Да нет же! — воскликнула Дарья. — Я просто оговорилась.

— Ну да, а когда хозяйка квартиры отправлена на тот свет, и риелтор уже не нужен, наследник получает все, сын после матери, — закончил Макар уже иным тоном.

— Вы на что намекаете? — Дарья выпрямилась.

— На то, что вы, возможно, создаете своему мужу алиби, утверждая, что он весь день находился с вами, а не ездил во второй половине дня в Чугуногорск к себе домой.

— Да пошел ты! — Дарья круто обернулась к Макару. — Муж мой был со мной, я и в суде поклянусь. Может, и правда, что мамаша его была редкая сука — жадная и злая. Вы, полиция, конечно, выясните потом, какая она была на самом деле. Но Лешка ее не убивал!

— А кто говорит, что ваш муж убийца? — спросил Клавдий Мамонтов.

Она лишь глянула на него исподлобья. Тяжелый взгляд... неприязнь, если не скрытая ненависть.

— Так когда муж уехал в Чугуногорск? — уточнил Клавдий Мамонтов.

— В начале десятого вечера, на автобусе рейсовом, — холодно ответила Дарья. — Захотел проверить, все ли в порядке в квартире с мамашей-пьяницей.

А через час он позвонил мне и... Она была уже мертвая там... дома.

Полковник Гушин по видеосвязи допрос жены никак не прокомментировал. Попросил подняться на третий этаж — переговорить с жильцами квартиры, расположенной над квартирой Лаврентьевой. Когда они вернулись в подъезд, Макар сказал, адресуясь к смартфону Клавдия:

— Федор Матвеевич, а вы заметили в телефоне сынка сегодняшние звонки? Пять звонков. И там еще есть на ее же номер — только трехдневной давности. А вчера, как вы нам сказали, у Анны Лаврентьевой был день рождения. Так вот в день рождения сынок ей не звонил.

— Спасибо, Макар, я внимания не обратил, — ответил Гушин. — Зоркий ты парень. Да, интересная деталь, тоже в копилку.

На третьем этаже Клавдия и Макара свидетели ничем особенным не порадовали. В квартире проживала лежачая больная старуха, которой сердобольные родственники наняли сиделку — узбечку. В квартире находился и ее муж — гастарбайтер. Он вернулся с работы поздно и вообще ничего не мог сказать. Сиделка по-русски говорила плохо, выглядела крайне обеспокоенной, все время пыталась кое-как объяснить, что у мужа ее есть патент на работу, а вот она «свой еще оформлять». Клавдий Мамонтов с трудом ее разговаривал — она поведала, что живут они в квартире больной старухи, не платя за съём, в счет оплаты идет ее уход за больной — такой уговор у нее с родственниками. И что про жильцов дома она вообще ничего не знает, не интересуется делами посторонних и никуда не лезет.

— Но, может быть, вы что-то слышали днем? — спросил Клавдий Мамонтов. — Крики в квартире внизу, шум борьбы, стук, грохот?

— Нет, я не слышать. Я с бабка заняться круглый день. Не поесть даже. Бабка под себя все. Я убирать за ней. — Сиделка трясла темноволосой головой. — А грохот... упасть что-то... я не знаю. Я думать, это на улице.

— Когда вы слышали грохот? Во сколько?

— Я не знать. После как я бабка мыть и памперс менять.

Когда они покинули верхнюю квартиру и спустились на второй этаж, на площадке их встретил полковник Гуцин. Из квартиры напротив по приглашению оперативников вышли соседи — муж и жена, оба средних лет, приличные на вид люди, интеллигентные. Они вернулись домой с работы из Жуковского лишь в десятом часу, когда Алексей Лаврентьев уже вызвал полицию, и о том, что днем творилось в соседней квартире, сказать ничего не могли. Но это были единственные соседи на этаже — две остальные квартиры пустовали, их хозяева — пенсионеры — с начала мая переехали на дачи.

— Ее убили? — испуганно спросила соседка. — Ограбление?

— Не похоже, — доверительно ответил ей полковник Гуцин. — Ничего ценного из квартиры не пропало.

— А кто же тогда убил? Сын? — ахнула соседка.

— Марина, молчи, не наше дело сплетни собирать, — сухо оборвал ее муж.

— Не сплетни, а факты. Все на наших глазах тогда произошло, — парировала соседка тревожно. — Так это сын ее убил?

— Идет следствие, все версии проверяются. — Полковник Гуцин пожал плечами. — А что случилось на ваших глазах? Какие такие факты?

— У них последние месяцы постоянно шли скандалы из-за квартиры, — ответила соседка. — Через их дверь все слышно — как они орали, когда он приезжал.